

ЗОЛОТОЙ ФОНД РУССКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

МЕМОУАРЫ

П. П. Семенова-Тян-Шанского

МЕМОУАРЫ

П. П. Семенова-Тян-Шанского

Том II

Путешествие в Тянь-Шань
1856–1857

КУЧКОВО ПОЛЕ

Москва
2019

Издание подготовлено
в рамках совместного издательского проекта
Всероссийской общественной организации
«Русское географическое общество»
и издательства «Кучково поле»

Семенов-Тянь-Шанский Петр Петрович
С30 **Мемуары: в 5 тт.** Т. 2. Путешествие в Тянь-Шань. 1856–1857 / П. П. Семенов-Тянь-Шанский; вступ. ст. и коммент. А. В. Постникова. — М.: Кучково поле, 2019. — 512 с.: 48 л. ил. — (Золотой фонд Русского географического общества)

ISBN 978-5-9950-0889-7 (т. 2)

Второй том мемуаров П. П. Семенова-Тянь-Шанского посвящен его путешествию в недоступную ранее европейцам горную систему Тянь-Шаня, которое он предпринял по поручению Русского географического общества. Описание путешествия, прославившего автора, стало самым известным произведением П. П. Семенова. Текст мемуаров сопровождается вступительными статьями, комментариями, а также большим количеством дополнительных материалов, работами П. П. Семенова по обобщению результатов экспедиции, которые дают возможность лучше представить себе историю и обстоятельства путешествия, а также его результаты.

Книга предназначена широкому кругу читателей, интересующихся историей России XIX в.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)-8

ISBN 978-5-9950-0889-7 (т. 2)
ISBN 978-5-9950-0890-3 (общий)

© Русское географическое общество, 2019
© ООО «Издательство «Кучково поле», 2019

П. П. СЕМЕНОВ И ЕГО ПУТЕШЕСТВИЕ НА ТЯНЬ-ШАНЬ

Петр Петрович Семенов был исключительно многогранным человеком и ученым. Он играл ведущую роль в деятельности основанного в 1845 г. Императорского Русского географического общества (ИРГО). С 1849 г. и до кончины в 1914 г. Семенов был постоянно вовлечен в деятельность ИРГО, работая библиотекарем Общества (1849–1851 гг., секретарем Отделения географии физической географии (1850–1856 гг.), помощником председательствующего (1856–1860) и председательствующим этого отделения (1860–1873 гг.). В 1873 г. П. П. Семенов был избран вице-председателем ИРГО, и с этого времени он стал фактическим руководителем научной деятельности общества, официальными председателями которого являлись члены императорской фамилии (в то время — великий князь Константин Николаевич).

Петр Петрович Семенов родился 14 января 1827 г. в селе Урусово (в то время входившем в состав Рязанской губернии; теперь оно находится в Чаплыгинском районе Липецкой области).

В пять лет он лишился отца, и до 15 лет жил в имении матери, получая домашнее образование, с упоением читая книги из домашней библиотеки и «исследуя» природу фамильных владений и окружающих земель.

Пройдя краткий курс гимназии, П. П. Семенов в 1842–1845 гг. получил военное образование в Санкт-Петербургской школе гвардейских подпрапорщиков и юнкеров, а затем поступил вольнослушателем Санкт-Петербургского университета на физико-математическом факультете по отделу естественных наук.

После завершения университетского курса, в 1848 г., Семенов совершил свое первое научное (ботаническое) путешествие, пройдя с Н. Я. Данилевским (1822–1885) пешком из Петербурга в Москву. В следующем

ГЛАВА I

Заключение Парижского мира. — Моя поездка в деревню и возвращение. — Первые мероприятия *императора** Александра II. — Поддержка, оказанная моему путешествию Географическим обществом. — Переезд Нижний — Казань — Кунгур — Урал и Екатеринбург. — Западно-Сибирская низменность. — Сибирская езда и некоторые особенности местного населения. — Ишимская степь. — Иртыш и Омск. — Генерал-губернатор Гасфорт. — Потанин и Валиханов. — Барабинская степь и Каинск. — Переправа через Обь в Бердском. — Барнаул. — Путешествие на Алтай. — Кольванское озеро. — Змеиногорск. — Реки Уба и Ульба и окружающие их белки**. — Риддерск и Ивановский белок. — Путь в Семипалатинск.

Ко времени возвращения моего в Петербург в 1855 г. во всех слоях столичного общества происходили оживленные толки о том, следует ли спешить с заключением мира, или, наоборот, — продолжать войну. Весь промышленный и финансовый мир стоял за скорейшее заключение мира, в военных же и патристических кружках преобладало мнение о продолжении войны.

Тем не менее, в правительственных сферах стремление к миру одержало верх, и князь*** Орлов был послан на Парижскую конференцию.

В начале осени я приехал к себе в деревню, где имел счастье встретить моего уже трехлетнего сына здоровым и невредимым: с необыкновенной любовью и самоотвержением вырастила его достойная воспитательница моей жены, Екатерина Михайловна Кареева.

С наступлением первых признаков весны 1856 г. я поспешил вернуться в Петербург, где у меня было много дел. Мирные переговоры уже шли к

* В основном тексте воспоминаний П. П. Семенова-Тян-Шанского курсивом выделены фрагменты, которые были опущены в издании 1946 г. (и всех последующих) и восстановлены по гранкам 1–3 глав, подготовленным к изданию в 1915–1917 гг. (хранятся в Научной библиотеке РГО) и рукописи 4 главы (НА РГО. Ф. 58. Оп. 1. Д. 1.).

** Белки — название заснеженных круглый год горных вершин в Сибири, преимущественно на Алтае и Восточном Саяне.

*** Автор допускает неточность: княжеский титул А. Ф. Орлов получил только в 1856 г. в качестве награды за успешное ведение переговоров на Парижской мирной конференции. — *Примеч. ред.*

концу в Париже, а ни о каких реформах еще не было слуху, хотя передовые люди столичной интеллигенции были глубоко убеждены, что самая неизбежная из реформ — освобождение крестьян — не заставит себя долго ждать. В провинции, наоборот, поместное дворянство было еще очень далеко от мысли даже о возможности освобождения крестьян. Конечно, и в Петербурге никто не решался называть предстоявшую законодательную реформу «освобождением крестьян», и когда первым законодательным актом царствования *императора* Александра II явилось Высочайшее повеление о каких-то переменах в военных формах, причем между прочим в форме генералов были введены красного цвета брюки, то это дало повод лицам, склонным к легкому остроумию, говорить: «Ожидали законы, а вышли только панталоны!».

Конечно, в перемене форм выразилась *маленькая* слабость *императора* Александра II к формам одежды, не оставившая его до конца жизни. Однажды, уже в последние годы жизни своей, когда ему представлялся молодой офицер, впоследствии известный путешественник*, заказавший себе для этого новый мундир у одного из лучших портных в Петербурге, *император* Александр II, отнесясь к представлявшемуся очень благосклонно, не удержался от замечания, что какой-то кантик на воротнике мундира был нашит неправильно, и спросил его несколько строгим голосом, у какого портного он заказывал мундир; услышав в ответ известное имя портного, государь сказал: «Скажи ему, что он дурак». *Но это была только одна сторона воспитания императора Александра II, привившая ему хотя только отчасти тот формализм, которым так страдал весь милитаризм царствования императора Николая I. Другой же стороной воспитания Александра II была та глубокая гуманность, которая являлась результатом влияния на него Жуковского. Это влияние, вместе со словами, сказанными, как утверждали, императором Николаем I на смертном одре о том, что его наследнику, может быть, удастся осуществить то, что всегда было желанием его, а именно освобождение крестьян от крепостной зависимости, привело его наследника года через три после воцарения действительно к осуществлению завета его державного отца.*

В Географическом обществе при прежнем вице-председателе Муравьеве я нашел секретарем после умершего В. А. Милютина талантливого и выдававшегося между молодыми учеными в области экономических наук Евгения Ивановича Ламанского. Энергично принялся я за окончание обширного дополнения к первому тому риттеровой «Азии» и нашел себе живое и деятельное содействие в почтенном и лучшем в России синологе, Василии

* Имется в виду Б. А. Громбчевский. — *Примеч. А. С. Берга*

Павловиче Васильеве, с которым я очень сблизился в это время, и который был действительно светлой личностью и горячим патриотом. В течение зимы 1855/1856 г. работа моя, уже давно начатая, пришла к концу. Вместе с тем был закончен мной и перевод частей риттеровой «Азии», относящихся до Тянь-Шаня и Западной Сибири и вызывавших к ним еще более обширные дополнения. Этим-то предлогом я и воспользовался, чтобы осуществить свою заветную мечту — путешествие в Среднюю Азию.

Но не только выставить на первый план желание мое проникнуть в Тянь-Шань, но даже вообще сообщать кому бы то ни было о моей твердой решимости проникнуть туда было бы с моей стороны крупной ошибкой, так как такое намерение встретило бы сильное противодействие со стороны Министерства иностранных дел, ревниво оберегавшего азиатские страны, лежавшие за русскими пределами, от вторжения русской географической науки в лице русских путешественников в то время, когда Германия уже открыто, на глазах всего мира, снаряжала свою экспедицию в Центральную Азию, направляя ее через Индию! Поэтому я с дипломатической осторожностью заявил официально перед Географическим обществом о необходимости для моих дополнений к следующим томам риттеровой «Азии» посетить те местности, которые в них описаны, а именно: Алтай, Киргизские степи и так далее. При этом я просил от Общества только нравственного содействия в форме открытых листов, рекомендаций и прочего. И небольшой субсидии в 1000 рублей на приобретение инструментов и вообще на снаряжение экспедиции, принимая на себя все издержки самого путешествия. Должен отдать справедливость Михаилу Николаевичу Муравьеву, что он со своей стороны отнесся с большим сочувствием к моему предложению и оказал моему путешествию возможное содействие, а в секретаре Географического общества, так же как и в председателе отделения физической географии, А. Д. Озерском, и в членах совета я нашел живую поддержку.

Весной 1856 г. я уже вполне снарядился в свою экспедицию, доехал по железной дороге до Москвы и далее до Нижнего [Новгорода] по шоссе, купил там прочный и просторный тарантас казанской работы и поехал на почтовых по большому сибирскому тракту.

На полпути из Нижнего в Казань я уже находился в той стране, которая на немецких картах XVII и даже XVIII вв. обозначалась надписью «Die grosse Tartarei»*. Как ни странным казалось нам, русским, такое обозначение ныне коренных русских (приволжских и даже отчасти центральных) губерний, но все-таки немецкие географы имели к тому свое основание. Ведь несомненно, что еще в половине XVI в. этнографическая граница Ев-

* Великая Татария (нем.) — Примеч. ред.

ропы и Азии совершенно не совпадала с ныне принимаемой географической границей между обеими частями света. Если провести прямую линию от Кишинева через днепровские пороги, Харьков, Воронеж, Тамбов, Казань к Екатеринбург, то европейские племена (славяне и другие) жили в эпоху открытия Америки только к северо-западу от этой линии, а к юго-востоку от нее европейского населения совсем не было; вся же эта «Великая Татария» европейских географов была принадлежностью азиатских племен и только со времени великого мирового события — падения Казани (в 1552 г.) одновременно с колонизацией на заатлантическом западе европейской расой Нового Света (Америки) началась на восточной окраине Европы более или менее сплошная и последовательная европейско-русская колонизация Азии, овладевшая сначала обширными землями этнографической Азии в Европе, а затем быстро распространившаяся через всю палеарктическую зону до Тихого океана.

Впоследствии, когда в 1897 г., после тридцатитрехлетних упорных настояний, мне удалось осуществить первую всеобщую перепись населения России, я подсчитал, что в то время как колонизация всех в совокупности государств Западной Европы дала со времени открытия Христофора Колумба Новому Свету 90 миллионов людей европейской расы и *избавила тем самым Западную Европу от опасного для нее перероста возрастающим населением ее территории*, русская колонизация, направленная к востоку и юго-востоку, водворила за пределы этнографической Азии не менее 46 миллионов людей европейской расы. На эту историческую заслугу России я имел случай указать на международном юбилейном торжестве Христофора Колумба в Генуе в 1892 г.

Утром 15 мая 1856 г. я был уже на правом берегу Волги, против Казани. Царица русских рек была в это время еще в полном разливе. Она слилась с широкой долиной Казанки в один водный бассейн шириной верст в десять [10,7 км]. Погода была бурная, и ввиду того, что переправа тяжелого тарантаса должна была продолжаться до вечера, я решил предоставить свой грузный экипаж, под охраной сопровождавшего меня служителя из крепостных, его собственной судьбе, а сам пустился на сравнительно легкой парусной лодке с шестью гребцами на осмотр живописной Казани с ее внешней, водной стороны. Мы плыли среди пенящихся волн, заливавших нас своими брызгами и разбивавшихся далее у высокой и массивной серой пирамиды, над которой едва заметно возвышался небольшой золоченый крест. Это был воздвигнутый только в 1823 г. скромный и неизящный памятник над братской могилой героев, обративших взятием Казани в 1552 г. еще сравнительно недавно вышедшее из-под азиатского ига Московское

царство в одно из великих европейских государств. Памятник поднимался над водой уединенным утесом, но близ него высился на отдельной возвышенности над водой живописный Силантьев (Зилантов) монастырь, окруженный зеленью деревьев в весеннем убранстве, а правее его красовался весь Казанский кремль с его живописными храмами, мечетями, исторической Сумбекиной башней* и Воскресенским монастырем. Высадился я в Казани нарочно пораньше для того, чтобы осмотреть все достопримечательности города. К ночи прибыл и мой тарантас, а на другой день поутру я уже ехал в нем по старому сибирскому тракту, ехал я быстро и безостановочно и днем, и ночью, но все-таки дорога от Казани до Екатеринбурга через Казанскую, Вятскую и Пермскую губернии взяла у меня восемь суток. Вся беспредельная равнина, начиная от Волги до уездного города Пермской губ[ернии] Кунгура, состояла из горизонтальных слоев песчаников и мергелей пермской системы, прикрытых толстыми слоями довольно однообразных наносов, обнаженных только по берегам рек. На всем этом протяжении встречались обширные *цветущие* селения, почти исключительно государственных или горнозаводских крестьян, хорошо отстроенные и поразившие меня довольством и зажиточностью своих обитателей и присутствием главного показателя крестьянского богатства — большого количества и качества лошадей и вообще домашнего скота. Крепостное право, так тяжко влиявшее на горнорабочее население, в тесном смысле этого термина, *ни в чем* не повлияло на условия крестьянской жизни здешних селений, которые вполне пользовались относительной свободой труда. Земледельческой барщины у них не было. Земледелием — исключительно на собственные нужды — они занимались только в страдный период полевых работ, а в остальные времена года, в особенности зимой, да и вообще в свободное от полевых работ время здешние крестьяне, при значительном развитии своего скотоводства, получали большие выгоды от своих промыслов, чем в нашей центральной черноземной России. Хотя сами они не были *и не могли быть* обладателями минеральных богатств края, да и эксплуатация этих богатств, т. е. заводские и рудничные работы, производилась *более или менее* укрепленным горнорабочим населением, но крестьянское сельское население прямо или косвенно получало *большие* выгоды от горнозаводской эксплуатации. Не говоря уже о том, что на действующих заводах и рудниках крестьяне находили хороший сбыт своим сельским произведениям, перерабатываемым ими применительно к местным потребностям, *крестьяне*

* Башня Сююмбике — дозорная башня Казанского кремля. Названа по имени правительницы Казанского ханства. Башня относится к так называемым падающим и имеет наклон в северо-восточную сторону. Отклонение шпиля башни от вертикали составляет 1,98 м.

находили еще *прибыльный* заработок при вспомогательных работах заводского и рудничного производства, как, например, при рубке леса, обжигании угля и доставке произведений лесного промысла на заводы и пристани. Все эти промыслы, как и поддерживаемый громадным почтовым движением по великому сибирскому тракту извоз, доставляли тем большие выгоды здешнему сельскому населению, что совпадали с временем, свободным от полевых работ.

Лет 35 спустя после освобождения крестьян в России высокообразованные ученые Западной Европы, приехавшие впервые в Россию в 1897 г. на геологический конгресс и составлявшие себе понятие о русском мужике только из берлинского юмористического журнала «Kladderadatsch», были поражены при своем посещении Урала красотой типа и сложения, самобытностью ума и развитостью приуральских крестьян, в которых они не нашли ни малейших следов рабства и приниженности. Да таких следов уже не было и полвека тому назад, во время моего путешествия в 1856–1857 гг. И в то время крестьяне Вятского и Пермского краев казались мне прямыми потомками того сильного и здорового славянского племени, которое из древнего Великого Новгорода издавна стремилось на восток и свободно колонизовало земли Хлыновского и Пермского краев до азиатских пределов.

Возвращаюсь к своему рассказу. На первой станции за Казанью, где мне пришлось ожидать несколько часов почтовых лошадей вследствие проезда одного князя в генеральском чине, я сделал интересную встречу. Это был горный инженер Василий Аполлонович Полетика, человек выдающийся по своей талантливости и образованию. После нескольких часов живого обмена мыслей мы настолько сошлись, что я предложил ему ехать со мной в моем тарантасе, так как у него не было своего экипажа, и он ехал на перекладных. Полетика принял мое предложение лишь при условии остановиться, когда я буду в Барнауле, в его доме.

Только за Кунгуром, по пути в Екатеринбург, мы переехали, наконец, во всю ширину Уральский хребет. С радостью геолога встретил я выходы сначала твердых горных осадочных пород, приподнятых и прорванных кристаллическими; затем явились обнажения и этих последних, а именно гранитов и диоритов; но по отношению к рельефу страны Урал по параллели Екатеринбурга можно переехать почти незаметно. Горы не представляются здесь особенно живописными. Гранитные скалы плоски и едва выходят на поверхность из-под наносов; растительность, состоящая из хвойного леса, довольно однообразна, и только верстовой столб с надписью с одной стороны «Европа», с другой — «Азия» наивно, хотя наглядно изображал искусственную границу обеих частей света.

Екатеринбург превзошел мои ожидания. Я не думал найти на азиатской стороне Урала такой красивый, *цветущий* город, который, конечно, обязан был своим развитием рудным богатствам Урала.

Замечательно, что колоссальный по своему протяжению от севера к югу (почти на 20° широты) Уральский хребет служит как в физическом, так и в экономическом отношении не к разъединению двух частей света, между которыми проходит, а к установлению тесной, неразрывной между ними связи.

Ни в отношении климата, ни в отношении флоры и фауны Урал не представляет резкой границы. Минеральные его богатства, расположенные не слишком широкой полосой главным образом вдоль его восточного склона, завязывают самый прочный узел взаимных отношений между обитателями европейского и азиатского его склонов; они привлекают рабочие руки с широких приуральских полос Европы и Азии, а также оживляют и обогащают земледельческое население еще более широких полос доставлением верного и прибыльного сбыта их не только земледельческим, но и вообще сельским произведениям на уральские горные заводы и рудники.

Ознакомившись при помощи В. А. Полетики со всеми особенностями горной промышленности Екатеринбурга, я выехал из него уже 26 мая. На протяжении трехсот тридцати верст дорога шла по реке Исети через Шадринск — последний уездный город Пермской губернии. Горы или, лучше сказать, холмы, служащие предгорьями Урала, простирались еще станции на две от Екатеринбурга, но далее они уже сгладились, твердые осадочные горные породы ушли окончательно под наносы, хвойные леса сначала стали обнаруживать примеси березы и осины, а затем вытеснились лиственными, перемежавшимися с обширными луговыми пространствами и крестьянскими полями. За Шадринском, а тем более за границей Тобольской губернии передо мной расстилалась необозримая Западно-Сибирская низменность, самая обширная в Старом Свете, абсолютная высота которой не превосходит 300 фут[ов] [92 м], и на которой, начиная от последних уральских до первых алтайских предгорий, нет ни одного камня ни в виде твердой горной породы, ни даже в виде валунов, так что обилием каменных строевых материалов эта страна похвастаться не может.

С любопытством присматривался я к характеру весеннего покрова Западно-Сибирской низменности и скоро убедился в справедливости замечания знаменитого автора первой сибирской флоры, Гмелина, который еще в XVIII в. заметил, что собственно характерная сибирская флора на большом сибирском тракте начинается только за Енисеем. Никакого резкого перехода от типичной растительности, одевающей весной всю славянскую

равнину от Силезии до Урала, не оказалось. Из цветов, оживлявших в то время (в конце мая) обширные луговины Западной Сибири, светло-лиловые, пушистые, грациозно поникшие головки ветреницы, носящей у нас поэтическое название сон-травы (*Pulsatilla albana*), золотые цветы горицвета (*Adonis vernalis*), выходящие из густых пучков своих ярко-зеленых перистых листьев, и густо-синие цветы лазуревой медуницы (*Pulmonaria azurea*) давали на обширных пространствах окраску растительному покрову, и только замена желтых полумахровых головок европейской купальницы — ярко-огненными цветами не менее махровой азиатской формы этого красивого растения (*Trollius asiaticus*), особенно эффектных там, где оно покрывает поляны обширными зарослями, напоминала мне, что я уже нахожусь посреди азиатской равнины. Что в особенности поразило меня в этом растительном покрове, это то, что самые характерные его растения любят жить, как и здешнее земледельческое население, общинной жизнью и своим скучением придают чудную, яркую окраску обширным пространствам. Выставленные в устроенном мной Русско-азиатском отделе Парижской выставки 1900 г. картины художника Ярцева, изображавшие растительный покров Сибири, главным образом долины Енисея, очень наглядно передавали эту особенность сибирской флоры. Большую красоту придают Западно-Сибирской равнине ее светлые, исполинские реки, неимоверно многоводные весной. Первой из лежавших на нашем пути зауральских рек был Тобол, через который мы переправились близ г. Ялуторовска 28 мая еще до восхода солнца, светлой, поэтической майской ночью.

За Тоболом нам уже не было надобности останавливаться на казенных почтовых станциях. Лихие ямщики везли тарантас на тройках очень охотно за казенные прогоны (по 1 ½ коп[ейки] с версты и лошади) «на сдаточных», передавая едущего друг другу. Это избавляло нас от скучного предьявления и прописки подорожной, от ожидания очереди при переменах лошадей и вообще от неприятных сношений со стоявшими на низшей ступени русского чиновничества «станционными зрителями», которые были все огульно произведены в низший классный чин (коллежского регистратора) на моей памяти, в царствование *императора* Николая I, только для того, чтобы оградить их от жестоких побоев проезжих «генералов». В Сибири, впрочем, эти побои были редки. При великолепных крестьянских лошадях и высшем развитии извозного промысла, при котором скорость езды на почтовых могла быть доведена до 400 [427 км] и более верст в сутки (!), генералы всегда были довольны, да и забытый, захудалый почтовый чиновник совершенно стусевывался и казался излишним перед богатым и самобытным молодецким ямщицким старостой, который сам готов

был сесть на козлы нетерпеливого генерала для того, чтобы провезти его одну станцию с лихой удалью. Для меня переезд по Сибири на сдаточных представлял тем больший интерес, что мои остановки и роздыхи происходили не в скучных, построенных по одному официальному образцу казенных почтовых дворах, а в избах зажиточных сибирских крестьян, охотно занимавшихся извозом. Лихая тройка, запряженная в мой тяжелый тарантас, подхватывала его сразу и мчала марш-маршем* на всем протяжении от станции, за исключением длинных подъемов, по которым сибирский ямщик любит ехать шагом; при этом завязывались между ним и мной самые интересные разговоры, в которых русский крестьянин без страха (а таких мы встречали не мало) готов был выложить всю свою душу. Как ни близко знал я своих земляков — крепостных рязанских крестьян, как ни доверчиво относились они к своему выросшему вблизи них и на их глазах барину, но все-таки в беседах об их быте и мировоззрениях, в *их* заявлениях об их *пользах* и нуждах было что-то недоговоренное и несвободное, и всегда ощущался предел их искренности... Крестьяне — старожилы Сибири, выросшие и развившиеся на ее просторе, не знали крепостной зависимости, и им легче было выкладывать свою душу в разговорах с людьми, приехавшими издалека и не принадлежавшими к их местным бюрократическим притеснителям-чиновникам. Поэтому я с успехом пользовался своими переездами, а еще более остановками в избах сибирских крестьян для того, чтобы ознакомиться с их бытом, аграрным положением и мировоззрением.

Избы крестьян южных уездов Тобольской губернии поражали меня своим простором по сравнению с тесными курными избами крестьян черноземных великорусских губерний: обыкновенно они имели шесть окон на улицу, а иногда и до двенадцати, крыты были тесом, а иногда были построенны и в два этажа. Попадались в селениях и кирпичные крестьянские дома богатых крестьян, крытые железом. Пища крестьян была необыкновенно обильна. В самых простых крестьянских избах я находил за обедом три-четыре кушанья. Мясная пища, состоявшая из говядины и телятины, домашней птицы и дичи, а также рыбы, входила в будничной стол наполовину. К этому присоединялись пшеничный хлеб и ржаной, пельмени — любимое блюдо сибиряков, — овощи и молочные продукты, последние в неограниченном количестве. При развитии скотоводства и значительных посевах льна и пеньки самодельная одежда сибирских старожилых также была несравненно лучше одежды крестьян Европейской России, особенно черноземной ее полосы. Сибирские старожилы не хотели верить, что в Рязанской губернии на целый двор приходится иногда по одному тулупу, да им и не

* Очень быстрое движение (*устар.*), первоначально употреблялось в военном деле.

представлялось возможным существовать без того, чтобы каждый член семьи не имел своей теплой одежды; при этом раздельность одежды у каждого развивала индивидуальность и предприимчивость отдельных личностей; тому же способствовала и их разнообразная самостоятельность. Простор был у них не только в доме, но и на пастбище, и в поле; он не давал повода к мелким семейным раздорам и неурядицам, так часто осложняющим жизнь наших европейских крестьян и часто вынуждающим их, вследствие тесноты жилищ, к преждевременным и экономически вредным семейным разделам. Все эти условия жизни сибирских крестьян обеспечивали не только силу двора, но и крепость общинного союза, в котором сельское население чувствовало совершенную необходимость для борьбы со стихийными силами природы и с внешними врагами. В пользовании семейными отводами общинный союз до поры до времени очень мало стеснял отдельных домохозяев. Каждый из них путем беспрепятственного захвата брал земли сколько хотел и, расчищая ее, хозяйничал на ней как хотел, часто основывая на этой земле и постоянные, и переносные фермы (заимки). Уважение к чужим рощам, да и вообще к чужим эксплуатациям* было так велико, что экспроприаторов** между сибирскими крестьянами не существовало, а разбойниками и грабителями являлись только беглые каторжники и блуждающие ссыльные поселенцы, против которых, в случае их разбоев, сибирские старожилы учиняли травли и самосуд. Только в случае, если крестьяне, как они выражались, терпели утеснения в земле, то есть ее недостаточность, община входила в свои права и предпринимала *некоторые* принудительные меры к урегулированию поземельных отношений, что всегда вызывало неудовольствия отдельных лиц, нейтрализуемые только мирскими приговорами, которым все подчинялось безусловно. Как ни плохи и лихимы были сибирские чиновники, составлявшие отбросы русской бюрократии, сильные общины с успехом выдерживали с ними борьбу, *вспоминая, что их русские приказные и подьячие, а тем более нанимаемые волостями писаря, стояли все-таки ближе к народными нуждам, чем татарские баскаки.*

Продолжаю свой рассказ. Второй значительной сибирской рекой, лежавшей на нашем пути за г[ородом] Ишимом, был Ишим. К нему мы выехали через Ишимскую степь, в которой реки редуют, но которая представляла в это весеннее время низменную, сырую равнину, богатую стоячими водами и поросшую березовым мелкоколесьем. Дорога на большом протяжении через Ишимскую степь имела вид широкой гати, обрытой с обеих сторон канавами. 31 мая, рано поутру, мы были уже в виду широкого разлива

* В издании 1946 г. текст заменен на: чужому хозяйству.

** В издании 1946 г. слово заменено на: захватчиков чужого добра.

Распространившиеся о нас слухи, с обычными преувеличениями о нашей численности и вооружении, произвели магическое действие. Сара-багиши быстро снялись со своих завоеванных у богинцев кочевьев на обоих прибрежьях Иссык-Куля (Терскее и Кунгее) и бежали отчасти на западную оконечность озера и еще далее на реки Чу и Талас и даже отчасти за Тянь-Шань на верховья Нарына, вследствие чего я получил полную возможность осуществить свое намерение проникнуть в глубь Тянь-Шаня в меридиане середины озера Иссык-Куль через самый доступный из его перевалов — Заукинский.

8 июня я имел по этому предмету окончательное совещание с Бурамбаем и Тезеком. Я объяснил им, что иду вперед только со своим конвоем (из полсотни казаков) и богинскими проводниками по южному побережью Иссык-Куля (Терскею) и, дойдя до реки Зауку, поверну к югу для того, чтобы перейти через Заукинский перевал на истоки Нарына (Сырдарья). Во все это время Тезек со своим отрядом должен будет оставаться для охраны кочевьев Бурамбая, даже и в том случае, если бы этот последний решился выдвинуться за мной и занять снова свои иссык-кульские земли.

Бурамбай был в восторге. Ему как нельзя более было на руку мое восхождение на Тянь-Шань по Заукинской долине, так как оно закрепляло за ним владение важнейшим из Тянь-Шаньских горных проходов и исконных его пашен и садовых насаждений по реке Зауку. Поэтому Бурамбай вызвался сам снабдить меня безвозмездно необходимым числом лошадей и верблюдов для моего первого путешествия в глубь Тянь-Шаня.

Весь день 8 июня прошел в сборах лошадей и верблюдов. Ночь на 9 июня в кочевьях Бурамбая была еще холодна, но к 9 часам утра, при солнечном блеске, было уже жарко (до 20°C).

Глава IV

Мое выступление в 1857 г. с казачьим отрядом в глубь Тянь-Шаня. — Перевал Сан-Таш. — Пленники богинцы. — Река Аксу. — Встреча с сара-багишами у реки Каракол. — Заукинский горный проход и верховья Нарына. — Мертвое поле битвы. — Пещеры. — Иссык-Кульская бухта Кызыл-Суу и берега этого озера. — Река Тюп. — Истоки Нарына. — Древние усунь. — Альпийские луга. — Кунгей и Терскей Алатау. — Встреча с сара-багишской барантой. — Табульгатинский перевал. — Поездка на верховья рек: Кок-Джар и Сары-Джаза*. — Дуана. — Хан-Тенгри и его ледники. — Река Текес. — Мое посредничество между Бурамбаем и Умбет-Али и четыре пленницы. — Весть о гибели Адольфа Шлагинтвейта в Кашгаре. — Поездка на Орта-Мусарт и экспедиция на выручку Тезека. — Курментинский перевал. — Реки Чилик и Тургень. — Возвращение в Верное. — Обратный путь. — Илийская равнина. — Поездка к Тезеку. — Лепса. — Озеро Тарбагатай. — Возвращение в Семипалатинск. — Барнаул. — Омск. — Возвращение в Петербург.

9 июня я, наконец, выступил с неописанным восторгом, со всем своим отрядом, в первое свое путешествие в глубь уже давно возвышавшегося передо мной Тянь-Шаня.

Отряд мой состоял из 49 казаков; один из казаков заболел и был оставлен мной на попечение богинцев вместе с моим крепостным слугой, также заболевшим, действительно или притворно. Сверх казаков в состав моего отряда входили 12 каракиргизских проводников и вожаков верблюдов, данных нам Бурамбаем, и мой верный спутник, почтенный художник Кошаров. Один из казаков состоял при мне неотлучно в качестве переводчика, так как он превосходно владел киргизскими языками. У нас в отряде, кроме 63 хороших каракиргизских верховых лошадей (под нами), было еще 12 вьючных и запасных и 12 верблюдов.

* Правильно: Сарыджаз — горный хребет в Центральном Тянь-Шане, на территории Киргизии и частично Казахстана: длина 113 км, высшая точка названа в честь П. П. Семенова Тянь-Шанского — пик Семенова (5816 м).

Весь наш караван очень быстро вышел из аулов Бурамбая на близкий от них горный перевал Сан-Таш, *отделяющий подгорья Заилийского Алатау и Тянь-Шаня и служащий водоразделом* между Илийским и Иссык-Кульским бассейнами.

Сан-Таш очень мало возвышался над кочевьями Бурамбая и получил свое название от груды камней («Сан-Таш» значит тысяча камней), наваленных на берегу небольшого озера, *расположенного на нем*. Относительно этой груды камней сохранилось между каракиргизами следующее предание. Когда великий Тимур (Тамерлан) в последней четверти XV в. предпринял свой первый поход из Самарканда мимо южного побережья озера Иссык-Куль в отдаленные восточные страны Азии, то он направился в нынешнюю китайскую Илийскую провинцию через самый удобный перевал из Иссык-Кульского бассейна в Илийский, получивший имя Сан-Таш только после Тамерланова похода по следующему обстоятельству. Так как Тимур шел во главе несметного войска, то на перевале, ведущем в неподчиненные еще его владычеству страны, ему вздумалось сосчитать количество своих войск еще до начала военных действий. Для этой цели, проходя по побережью Иссык-Куля, он приказал каждому из своих воинов захватить с собой по одному камню. При переходе через перевал Тимур приказал своими воинам сложить захваченные камни в одну *громадную* грудку на берегу находившегося на перевале озера. Таким образом, число сложенных в грудку камней представило полную численность войска, перешедшего через перевал. Когда же, после продолжительного похода, Тимур, победив всех своих врагов во множестве битв и завоевав обширные страны на востоке, возвращался в свою столицу тем же путем через Сан-Таш, то он вздумал произвести новый счет своей победоносной армии и приказал каждому воину, возвращавшемуся через Сан-Таш, захватить по одному камню из сложенной там груды. Грудка эта чрезвычайно умалилась, но зато, когда она была пересчитана, то численность ее представила, с одной стороны, число погибших во время похода воинов, а с другой — осталась навсегда их памятником, сложенным в чуждой стране их собственными руками.

С Сан-Таша, пройдя не более пяти верст, мы уже вышли в бассейн озера Иссык-Куль на вершину его западного притока реки Тюп. На берегу этой реки мне в этот день (9 июня) удалось найти совершенно новое сложноцветное растение из рода *Tanacetum*, описанное впоследствии ботаником Ф. Гердером под именем *Tanacetum semenovii* n. sp. Herd.

Для того чтобы перейти с Тюпа в долину текущей параллельно с ним, но южнее его в Иссык-Куль и знакомой мне уже из поездки 1856 г.* реки Джар-

галана, я перешел диагонально через широкую долину Тюпа и стал подниматься на разделяющий обе долины невысокий кряж Кызыл-Кия, в верхней своей части, там, где он уже примыкал к Тянь-Шаню, поросший пихтовым лесом. С перевала открылся внезапно великолепный вид на передовую цепь Тянь-Шаня, к которой и принадлежали горы Кызыл-Кия. Спустившись с подошвы этой горы в долину Джаргалана, выходящую здесь из теснин Тянь-Шаня, я увидел отсюда всю продольную долину Джаргалана и впадение в нее выходящей из тянь-шаньских теснин реки Турген-Аксу и всю блестящую своими вечными снегами главную цепь небесного хребта (Тянь-Шаня), которую киргизы называли Мустагом (Снежными горами).

Хотя продольная долина Джаргалана по своей высоте, мало уступающей высоте Сан-Таша, находится уже в зоне хвойных лесов, но лесной растительности было здесь так мало, что здешняя флора имела совершенно характер флоры земледельческой зоны Заилийского края, на которой расположилось Верное и все русские поселения Заилийского подгорья.

Это и дало впоследствии возможность русской колонизации прочно водвориться в Иссык-кульском бассейне и основать здесь, между прочим, на реке Каракол цветущее городское поселение, получившее впоследствии имя Пржевальска от расположенной вблизи могилы Пржевальского.

Спустившись с Кызыл-Кии в долину Джаргалана, мы начали встречать целые толпы богинцев, которые плелись пешком из сара-багишского плена, так как они были брошены сара-багишами, быстро очистившими завоеванные ими *богинские* земли на Иссык-Куле перед нашим прибытием. Пленники плелись пешком голодные, исхудалые и полуодетые, так что мы должны были делиться с ними пищей, для того чтобы они не погибли с голоду. К счастью, мы гнали с собою от Сан-Таша целое стадо баранов, купленные мною у богинцев, были хорошие запасы курта (сыра), подаренного мне Бурамбаем.

На реке Турген-Аксу, ниже выхода ее из горной теснины, мы остановились на полудневном привале среди кустов облепихи (*Hippophae rhamnoides*), черного барбариса (*Berberis heteropoda* Schr.) и тала (*Salix*). Снявшись с привала около часу пополудни, я, вместо того чтобы прямо направиться к Терскею, южному побережью Иссык-Куля, решил заехать на ночлег в живо интересовавшую меня местность, а именно в близкую от нас теснину самого Тянь-Шаня, в которой находился пользовавшийся громкой известностью между каракиргизами теплый целебный ключ Алма-Арасан* и из которой выбивалась на прииссык-кульскую

* Ныне бальнеологический горный курорт в Карасайском районе Алматинской области Казахстана, расположенный в Алма-Арасанском ущелье Заилийского Алатау на высоте 1800–1850 м над уровнем моря; открыт в 1931 г.

* В издании 1946 г. указан 1855 г.

равнину горная речка Аксу, приток Джаргалана. По выходе с нашего бивака на Тургенъ-Аксу мы перешли три речки, носившие у каракиргизов название Джергес. Течение последней из них, широкой и быстрой, хотя мелководной, поросло целым рядом прекрасных деревьев. Наконец, появилась и цель нашего путешествия — ущелье Аксу. Мы повернули к нему и поднялись на подгорную площадь, откуда уже хорошо был виден синий Иссык-Куль с его двумя заливами и мысом, их разделяющим. С этой подгорной площади мы и спустились в самое ущелье реки Аксу. Дойдя до ущелья, мы следовали по нему верст пять по тропинке, проходившей по левому берегу реки высоко над ее быстрым, шумным и пенистым течением, оправдывавшим ее название Аксу (Белая вода). Крутые обрывы гор густо заросли отчасти пихтовым лесом, отчасти лесом из разных лиственных деревьев, между прочим и яблонь, от которых он получил свое имя Алма-Арасан. Полверсты не доходя Арасана появились обнажения крупнозернистого гранита, приподнимавшего пласты осадочных пород, а именно светло-серых известняков, которые представляли прекрасный профиль с простираем от в[остока] к з[ападу] и падением с с[евера] на 29°. Не доходя 1/2 версты [0,5 км] до Арасана, мы с тропинки, по которой с трудом пробирались высоко над шумной и пенистой рекой, начали спускаться по очень трудной тропинке к самому Арасану. Солнце уже скрылось за горами, когда мы к 7 часам вечера достигли знаменитого источника, около которого и расположились на ночлег. Вход к самому бассейну Арасана был заперт деревянными дверями, на которых я нашел еще уцелевшие тибетские надписи, подобные тем, которые мы видели на Тамгалы-Тас реке Или в 30 верстах [32 км] ниже Илийского пикета. Теплый ключ, по выходе своем из-под земли был отделен в довольно просторный бассейн в 3 аршина длиной, 1 1/2 арш[ина] шириной и 11 глубиной* и обложен гранитом. Температура его оказалась в 40°C. Запах его серный, но отделения газов не видно и пузырьков нет. Выходу их препятствовало множество дресвы на дне Арасана, между которой и не видно было места, где ключ выбивается из-под земли. Из бассейна Арасана тек ручей в несколько сажен[ей] длиной, впадающий в реку Аксу. Река эта быстро стремилась по ущелью через огромные камни, была очень пениста и местами падала водопадами. Температура ее в 7 часов вечера была 11°C при внешней температуре воздуха в 15°C. Гипсометрическое определение дало для нашего ночлега абсолютную высоту 1810 метров.

* Ок. 2 метров длиной, метр шириной и ок. 8 метров глубиной.

Проснувшись 10 июня в 5 часов утра на своем ночлеге близ теплового ключа (Алма-Арасана), я с особенным удовольствием поспешил осмотреться в теснине реки Аксу, так как это была первая долина Центрального Тянь-Шаня, в которую мне удалось проникнуть. Для того чтобы по возможности обстоятельно исследовать природу этой долины, я решился подняться по ней на несколько верст по правому берегу реки, а затем спуститься по левому до ее конца и выйти на Иссык-Кульское плоскогорье через очень труднодоступное ущелье, по которому не было никакой возможности пройти с моим многочисленным отрядом, вьюками и верблюдами. Весь же свой отряд я послал немедленно вперед по обходной горной дороге с художником Кошаровым с тем, чтобы соединиться с ним в том месте, где он, спустившись со своего привала на Иссык-Кульскую равнину, будет переправляться через реку Каракол на том месте, где через несколько десятков лет после того возник город Каракол, получивший впоследствии имя славного нашего исследователя Средней Азии — Пржевальского.

В это же время (10 июня 1857 г.), когда, кроме сопровождавших меня казаков, в этой местности не бывало еще ни одного русского, я, желая быть сам как можно более налегке, оставил при себе только всегда неразлучного своего спутника казака-переводчика и хорошо знакомого с местностью каракиргизского проводника.

Вопрос о том, нет ли в Тянь-Шане вулканических горных пород, стоял для меня на первом плане, и, так как я уже убедился в том, что кристаллические горные породы Аксуйской долины, приподнимающие пласты осадочных пород (известняков и сланцев палеозойских систем), оказались гранитами и сиенитами, то мне оставалось только тщательно разыскать, не найдется ли вулканических пород между бесчисленными валунами, увлекаемыми бурной речкой с самых отдаленных вершин Небесного хребта. Но никаких вулканических пород между валунами реки в ее долине не оказалось, я мог спокойно перейти всецело к исследованию флоры Аксуйской долины и сделать в ней полный сбор встреченных мной растений, которые оказались на всем исследованном мной протяжении принадлежащими к зонам субальпийской, лесной и отчасти культурной земледельческой.

Древесную растительность долины составляли из хвойных пород: Среднеазиатская пихта* (*Picea schrenkiana* Fisch.), доходящая до Гималай-

* По всей книге там, где автор употребляет слово пихта (пихтовый), оно в издании 1946 г. было заменено, в соответствии с традиционным написанием, на ель (еловый). Трудно себе представить, что П. П. Семенов мог спутать ель с пихтой, хотя тянь-шаньская ель (эндемик) в этих районах распространена весьма широко. Скорее всего, он рассматривал эти два слова как полные синонимы. В современной науке принято использовать термин «ель». — *Примеч. А. В. Постникова.*

Петербургского военного генерал-губернатора будет выдана Вам по ходатайству Общ[ест]ва казенная подорожная до губернии Западной Сибири и обратно. Уведомляя о сем, покорнейше прошу Вас, м[илостивый] г[осударь], приступить к предстоящим Вам занятиям и не оставлять Совета Общ[ест]ва уведомлениями время от времени о ходе Ваших исследований.

Примите увер[ения] и проч.

Подписал М. Муравьев

НА РГО. Ф. 1-1856. Оп. 1. Д. 11. Л. 24–25.

7. Письмо Г. Х. Гасфорта к М. Н. Муравьеву о содействии П. П. Семенову от 2 июня 1856 г.

[Письмо] Генерал-губернатора Западной Сибири и командира
Отдельного Сибирского корпуса
2 июня 1856 г.

№ 89

в г. Омске

Его пре[восходительст]ву М. Н. Муравьеву

Милостивый государь Михайло Николаевич!

1-го числа сего месяца член Императорского Русского географического общества магистр Семенов вручил мне отношение Вашего превосходительства от 7-го мая № 681.

Вследствие отношения этого я вместе же с сим предписал г[осподам] Томскому гражданскому губернатору, Главному начальнику алтайских горных заводов, исправляющему должность военного губернатора Семипалатинской области и наказному атаману Сибирского линейного казачьего войска оказывать г[осподину] Семенову содействие при исполнении возложенного на него Географическим обществом поручения по геогностическому исследованию Томской губернии и заключающегося в оной Алтайского Горного округа. Сверх сего предложил начальнику штаба Отдельного Сибирского корпуса дозволить г[осподину] Семенову почерпать из военного архива статистические, этнографические, геологические и прочие полезные сведения до его поручения относящиеся.

Имея честь уведомить о сем Вас, милостивый государь, покорнейше прошу принять уверение в совершенном моем к Вам почтении и преданности.

Густав Гасфорт

НА РГО. Ф. 1-1856. Оп. 1. Д. 11. Л. 29–29об.

8. Копия письма М. Н. Муравьева к П. П. Семенову о продлении экспедиции от 20 декабря 1856 г.

Его высокоб[лагородию] П. П. Семенову

№ 1722

20 декабря 1856 [г.]

Милостивый государь Петр Петрович!

Журналом Совета Императорского Русского географического общ[ест]ва 7 ноября определено вследствие представленных Вами соображений о необходимости продлить Ваше пребывание на Алтае до осени 1857 г. просить Вас продолжать возложенное на Вас Общ[ест]вом занятие и выслать Вам для сего на путевые издержки 1000 р[ублей] сер[ебром].

Исполняя сим поручение Совета и препровождая означенные деньги, имею честь просить Вас, милостивый государь, как о получении сих денег, так и о ходе Ваших занятий не оставить Общ[ест]во уведомлением.

Примите уверения в совершенном моем почтении и преданности.

Подписал: М. Муравьев

НА РГО. Ф. 1-1856. Оп. 1. Д. 11. Л. 36–36об.

9. Письмо д[ействительного] ч[лена] Императорского Русского географического общества П. П. Семенова к исправляющему должность секретаря общества

Семипалатинск,

20 октября 1857 [г.]

Имею честь известить Вас о том, что я совершенно благополучно окончил все возложенные на меня Императорским Русским географическим обществом путешествия и скоро мог бы лично сообщить Обществу главные результаты моих трудов и исследований, если б не распутица и дурные дороги, которые, к сожалению, не позволяют мне надеяться возвратиться в С[анкт]-Петербург ранее декабря текущего года. А потому я прошу Вас сообщить предварительно Обществу хотя [бы] краткие сведения о поездках моих нынешнего года.

Две цели руководили мной при исполнении возложенного на меня Обществом поручения:

1) Ознакомиться лично с теми частями Азии, которых описание войдет в состав следующего тома русского издания Риттеровой «Азии», и собрать на месте существующие материалы для их дополнений.

2) Исследовать самостоятельно такую часть Внутренней Азии, которая окажется наиболее интересной.

Первая цель была уже достигнута беглым проездом через некоторые части Западной Сибири и Алтайского горного округа и пребыванием в городах Омске, Барнауле и Семипалатинске; для последней же я должен был прежде всего остановиться на выборе области исследования.

Ни однообразная Сибирская низменность, от Северного океана до Иртыша и от Урала до Алтая, лишенная всякого рельефа и не представляющая на неизмеримом своем пространстве никаких горных поднятий или выходов твердых горных пород, ни верная одному и тому же типу Область сибирских киргизов, от Иртыша до Чу и от Ишима до Балхаша, богатая только невысокими горными поднятиями, далеко не достигающими пределов вечного снега, не могут остановить на себе особенное внимание географа и геолога-путешественника.

Особенно интересными и вполне заслуживающими дальней и самостоятельной экспедиции могут быть только высокие горные страны, выдающиеся за пределы вечного снега и представляющие самое большое разнообразие рельефа, геогностического строения, орошения, климатов и так далее. Таких стран генерал-губернаторство Западной Сибири представляет только две: 1) юго-восточную часть собственно Западной Сибири, то есть Алтай с Кузнецким Алатау и Телецким озером, 2) юго-восточную часть Киргизских земель, то есть Тянь-Шань с Джунгарским и Заилийским Алатау* и северо-западным Иссык-Кулем.

Тянь-Шань и Заилийский Алатау несравненно выше Алтая. Предел вечного снега в Тянь-Шане (под 42° с. ш.) выше того же предела в Алтае (под 51° с. ш.) на 4000 ф[утов] [1219 м], и потому вся лестница, на которой климаты и зоны различных естественных произведений наслоены одни над другими, несравненно полнее и обширнее в Тянь-Шане, где продолжительность летнего сезона и редкость дождей предоставляет путешественнику более времени для наблюдений, чем краткий и дождливый летний сезон в холодном Алтае и непроходимой тайге Кузнецкого Алатау. Наконец, Алтай есть страна, относительно хорошо исследованная учеными путешественниками, как например, Палласом, Ледебуром, Мейером, Бунге, Гумбольдтом, Г. Розе, Гельмерсеном, Геблером, Чихачевым и так далее и горными офицерами Алтай-

* Оба Алатау, лежащие к ю[го]-в[остоку] от Балхаша, независимы друг от друга. Один из них простирается от с[еверо]-в[остока] к ю[го]-з[ападу] от Алакуля до Илийской равнины, другой — от в[остока] к з[ападу], отделяя Илийскую долину от плоскогорья Иссык-Куля. Оба переходят снежную линию. Для различия обозначаю их характеристическими именами Джунгарского и Заилийского. Первый из них находится посреди прежней Джунгарии. — *Примеч. П. П. Семенова.*

ского округа, от которых и впоследствии должно было бы ожидать интересных местных наблюдений, более возможных для них, чем для заезжих путешественников. В Тянь-Шане же и Заилийском Алатау не было положительно ни одного ученого путешественника, а путешествие трех новейших исследователей: Карелина, Шренка и Влангали, наиболее углублявшихся с этой страны во Внутреннюю Азию, остановились на с[еверо]-з[ападном] склоне Джунгарского Алатау, не далее системы р[еки] Коксу, впадающей (через посредство Каратала) в Балхаш. Притом же ученые результаты двух первых даже почти и не обнаружены (исключая ботаническую часть).

А потому при выборе между Алтайской и Тянь-Шаньской горной страной колебаться было нечего: полный перевес научного интереса остается за последней, и даже почтенный патриарх науки, знаменитый А. Ф. Гумбольдт, в разговоре со мною в 1853 г., указал мне на эту страну как на более всего заслуживающую самого тщательного исследования. Для меня весь вопрос состоял только в том, найду ли я возможность проникнуть в Тянь-Шань и на Иссык-Куль; а вопрос этот зависел от участия и содействия генерал-губернатора Западной Сибири в моей экспедиции.

До 1856 г. русская нога, за исключением немногих купеческих караванов первой четверти нынешнего века, не ступала на озеро Иссык-Куль. Проведенная на карте Я. В. Ханыкова, приложенной к книжке X «Записок» Императорского Русского географического общества, вдоль берега Иссык-Куля линия пути Нифантьева 1847 г. есть ошибка. Топограф Нифантьев, оказавший несомненную услугу науке хорошо и критически составленной *из расспросов* картой Иссык-Куля (она была напечатана в изданиях Императорского Русского географического общества и в географическом журнале Петермана) и первыми расспросочными сведениями о дикокаменных киргизах, сколько мне известно, никогда не был на Иссык-Куле. Самый Заилийский Алатау, и то только северная цепь его, был перейден русскими в первый раз летом 1854 и 1855 гг., — именно подполковником Перемышльским и майором Шайтановым, при преследовании дикокаменных разбойничьих шаек к р. Чу, на с[еверо]-з[ападе] от Иссык-Куля. Весной 1856 г., по распоряжению генерал-губернатора Восточной Сибири, ходил на Иссык-Куль первый русский отряд для примирения двух дикокаменных [киргизских] племен, и первые образованные русские, увидевшие берега озера, были полковник Хоментовский и генерал-майор бар[он] Сильвергельм. В то же время, под руководством последнего, была произведена первая съемка восточной половины Иссык-Куля. Далее подошвы предгорий Тянь-Шаня экспедиция не проникла, да и западная половина озера не была посещена ей.

В течение того же лета удалось и мне, как Вам известно, можно сказать набегом, совершить две трудные поездки на восточную и западную оконечности Иссык-Куля. В нынешнем же году, ободренный первыми удачами, я решился во что бы то ни стало проникнуть в сердце Небесного хребта или Тянь-Шаня. Если я мог привести в исполнение это смелое предприятие и возвратиться невредимо, то это, конечно, только благодаря полному содействию и покровительству г[осподина] генерал-губернатора Западной Сибири Г. Х. Гасфорта, который особенно интересуется научным исследованием прекрасного Заилийского края, быстро развивающегося и заселяющегося под его заботливым попечением.

До Сан-Таша, горного прохода, лежащего между Каркарой (притоком Или) и Тюбом (притоком Иссык-Куля), я не встретил особенных затруднений. Но проникнуть отсюда в сердце Небесных гор было очень нелегко. Непроходимость и опасность тропинок в этих страшных, по своей высоте и дикости горах, кровавая вражда между бегинцами и саробагишами, главными племенами дикокаменных киргизов (из которых последние считают себя кокандскими подданными и отличаются смелостью своих разбойничьих набегов), мятеж Малой Бухарии против китайского правительства, движение значительных китайских отрядов чрез знаменитый проход ледников (муссарт*) в Тянь-Шане, наконец малочисленность моего конвоя были обстоятельствами не слишком благоприятными для мирных исследований; несмотря на то, исход экспедиции был самый счастливый.

Сначала я направился на з[апад] от Сан-Таша вдоль Джиргаланской долины и Терека, — южного побережья Иссык-Куля, и, не доходя до середины его, круто повернул к ю[гу] поперечной Заукинской долиной через дику горную массу Тянь-Шаня до вершины знаменитого здесь Заукинского прохода. Здесь достиг я до покрытых еще льдом в конце июня альпийских озер, питающих один из истоков Нарына и служащих, следовательно, самым с[еверо]-в[осточным] исходным пунктом речной системы Сырдарьи, или Яксарта. После того, посетив южный и северный берега Иссык-Куля и несколько горных проходов южной цепи Заилийского Алатау, я опять направился в сердце Тянь-Шаня, на ю[го]-в[осток] от Сан-Таша. Дикая долина Каркары привела меня к высокому Кок-Джарскому проходу и к ослепительным вечным снегам и ледникам Тянь-Шаня. Перейдя через проход, я спустился даже к источникам Сары-Джаса, очень замечательной реки, служащей главной ветвью малобухарской Оксы и принадлежащей, следовательно, к одной речной системе с Таримголом**,

* Вероятно, речь идет о перевале Музарт.

** То же самое, что Тарим.

Лоб-Нором, Камгар* и Яркан-Дарьями**. Третья моя поездка вниз по Текесу (верховья Или) с целью добраться до китайского прохода ледников (муссарта) и предполагаемого вулкана Бай-Шаня не увенчалась полным успехом, потому что обстоятельства принудили меня вернуться с половины дороги. В конце июля я обратил свои исследования на самую дику внутренность Заилийского Алатау и, окончив все мои поездки с тем же счастьем, возвратился в Верное в середине августа. После того я обозрел еще бегло интересные низкие холмы на с[евер] от р[еки] Или и южную оконечность Джунгарского Алатау с целью отыскать какие бы то ни было следы вулканов и вулканических действий. В сентябре, в заключение всей поездки, посетил я еще истоки Лепсы в северной оконечности Джунгарского Алатау, проехал мимо Западного Алакуля, исследовал два горных прохода в Тарбагатае и вернулся в Семипалатинск в начале октября нового стиля.

Главное мое внимание было обращено на исследование горных проходов, так как высота их определяет среднюю высоту хребтов, а разрез — географический профиль и строение горных цепей, не говоря уже о важности их как путей сообщения между соседними странами. Высота горных проходов продольных долин, плоскогорий, снежной линии и ледников определена мною посредством температуры кипения воды. Наконец не менее внимания обратил я и на изучение общих черт орографического и геогностического строения страны и на вертикальное и горизонтальное распределение растительности.

Число исследованных мною горных проходов значительно, именно 23: из них более половины гораздо выше Большого С[ен]-Бернара. Вот имена их:

А. В Тарбагатае.

- 1) Алет.
- 2) Котель[-асы].

В. В Джунгарском Алатау.

- 3) Гасфордов.
- 4) Арал-Джол.
- 5) Каракол.
- 6) Алтын-Имель.
- 7) Уйген-таш.

* Скорее всего, имеется в виду Кашгардарья.

** Правильно: Яркендарья.

[Вид крепости в городе Аягуз (Сергиополь).] П. М. Кошаров. 1857 г.

Вид озера Балхаш от Арганатинских гор, над Арганатинским пикетом. П. М. Кошаров. [1857 г.]

Площадь в укреплении Верном. П. М. Кошаров. 1857 г.

Переправа через реку у подножья Зайлийского Алагау. П. М. Кошаров. [1857 г.]

Шаты, перевал — 282, 336
 Шаты, река — 198–200, 227, 312
 Швейцария — 6, 99, 108, 182, 272, 442, 455
 Швейцарские Альпы — 96, 283, 324, 336, 358
 Швеция — 455
 Шемонаиха, селение — 56, 59
 Шенгельды, село — 240
 Шипицынская, гора — 59
 Шри-Ланка — 434
 Штауббах, водопад — 182
 Шульба, река — 65
 Шульбинский бор — 65, 66
 Шульбинский форпост — 65, 66
 Шынжалы, река — 254
 Эгюй-дю-Миди (Полуденный пик), гора — 152
 Эда озеро — 412
 Эльбрус, гора — 284, 439, 440
 Эмиль, река — 257
 Энырган, горы — 303
 Эргеу, см. *Тарим*
 Эфиопия — 402
 Юнгташ, см. *Уйгентас*
 Южная Америка — 400
 Южная Англия — 400
 Южная Италия — 403
 Южная Курменты, река — 229
 Южная Маньчжурия — 272, 286
 Южная Монголия — 286
 Южная Тянь-Шаньская дорога, см. *Тянь-Шань-Нань-Лу*
 Южно-Антарктический океан, см. *Антарктический океан*
 Южный (Большой) Алтай — 180, 472, 473
 Юнгфрау, гора — 177, 358
 Яксарт, см. *Сырдарья*
 Ялуторовск, город — 33
 Ямышевская, станция 137
 Ян-Майсен, остров — 403
 Янцзы, река — 286, 426
 Ян-Цзы-Кянь (Цянь), см. *Янцзы*
 Японское море — 62
 Яркан-Дарья, см. *Яркенддарья*
 Яркенд, город — 7
 Яркенддарья, река — 281

Оглавление

П. П. Семенов и его путешествие на Тянь-Шань — *А. В. Постников* 5
 Памяти П. П. Семенова-Тян-Шанского — *Вал. П. Семенов-Тян-Шанский* 19

Глава I

Заключение Парижского мира. — Моя поездка в деревню и возвращение. — Первые мероприятия императора Александра II. — Поддержка, оказанная моему путешествию Географическим обществом. — Переезд Нижний — Казань — Кунгур — Урал и Екатеринбург. — Западно-Сибирская низменность. — Сибирская езда и некоторые особенности местного населения. — Ишимская степь. — Иртыш и Омск. — Генерал-губернатор Гасфорт. — Потанин и Валиханов. — Барабинская степь и Каинск. — Переправа через Обь в Бердском. — Барнаул. — Путешествие на Алтай. — Кольванское озеро. — Змеиногоorsk. — Реки Уба и Ульба и окружающие их белки. — Риддерск и Ивановский белок. — Путь в Семипалатинск 26

Глава II

Семипалатинск. — Встреча с Ф. М. Достоевским. — Путь к югу. — Аягуз. — Лепсинский форпост. — Семиреченский Алатау. — Арасан. — Копал. — Полковник Абакумов. — Чолоказики. — Хребет Аламан. — Река Или. — Укрепление Верное. — Заилийский Алатау. — Вид на Тянь-Шань. — Озеро Иссык-Куль. — Река Чу. — Буамское ущелье. — Каракиргизы. — Возвращение в Верное. — Поездка в Кульджу. — Возвращение через Копал в Семипалатинск. — Вторичная встреча с Ф. М. Достоевским. — Возвращение в Барнаул 67

Глава III

Мое пребывание в Барнауле зимой 1856/1857 гг. и посещение меня Ф. М. Достоевским. — Моя поездка в Омск и переговоры с Г. И. Гасфортом. — Прибытие в Семипалатинск и встреча с Достоевским и художником Кошаровым. — Переезд через Копал и Приилийскую равнину в Верное. — Заилийский край. — Вторичное путешествие в Тянь-Шань. — Политическое положение Иссык-кульского бассейна. — Отъезд. — Озеро Джассыл-Куль. — Суд биев и мое в нем участие. — Гостеприимство султана Али и его сына Аблеса. — Султан Тезек. — Мерке. — Прибытие к султану Бурамбаю и помощь, нами ему оказанная 132

Глава IV

Мое выступление в 1857 г. с казачьим отрядом вглубь Тянь-Шаня. — Перевал Сан-Таш. — Пленники богинцы. — Река Аксу. — Встреча с сара-багишами у реки Каракол. — Заукинский горный проход и верховья Нарына. — Мертвое поле битвы. — Пещеры. — Иссык-кульская бухта Кызыл-Суу и берега этого озера. — Река Тюп. — Истоки Нарына. — Древние усунь. — Альпийские луга. — Кунгей и Терской Алатау. — Встреча с сара-багишской барантой. — Табульгатинский перевал. — Поездка на верховья рек: Кок-Джар и Сары-Джаза. — Дуана. — Хан-Тенгри и его ледники. — Река Текес. — Мое посредничество между Бурамбаем и Умбет-Али и четыре пленницы. — Весть о гибели Адольфа Шлагинтвейта в Кашгаре. — Поездка на Орта-Мусарт и экспедиция на выручку Тезека. — Курментинский перевал. — Реки Чилик и Тургень. — Возвращение в Верное. — Обратный путь. — Илийская равнина. — Поездка к Тезеку. — Лепса. — Озеро Тарбагатай. — Возвращение в Семипалатинск. — Барнаул. — Омск. — Возвращение в Петербург 171

Приложение I. Дополнительные материалы к путешествиям	
П. П. Семенова-Тян-Шанского	268
1. Письмо П. П. Семенова о его участии в Сибирской экспедиции Императорского Русского географического общества	268
2. Письмо А. Д. Озерскому от М. Н. Муравьева от 26 марта 1856 г.	270
3. Письмо в Совет ИРГО от Отделения физической географии от 24 апреля 1856 г.	271
4. Выписка из журнала заседания Совета Императорского географического общества от 28 апреля 1856 г.	271
5. Копия письма генерал-губернатору Западной Сибири Г. Х. Гасфорту с просьбой оказать содействие П. П. Семенову от 7 мая 1856 г.	274
6. Копия письма за подписью М. Н. Муравьева к П. П. Семенову об организации экспедиции в Алтайский горный округ от 7 мая 1856 г.	275
7. Письмо Г. Х. Гасфорта к М. Н. Муравьеву о содействии П. П. Семенову от 2 июня 1856 г. ..	276
8. Копия письма М. Н. Муравьева к П. П. Семенову о продлении экспедиции от 20 декабря 1856 г.	277
9. Письмо действительного члена Императорского Русского географического общества П. П. Семенова к исправляющему должность секретаря общества	277
10. Докладная П. П. Семенова № 313 в Совет Императорского Русского географического общества от 22 апреля 1858 г.	285
11. Докладная П. П. Семенова № 314 в Совет Императорского Русского географического общества от 22 апреля 1858 г.	288
12. Постановление Совета Императорского Русского географического общества от 3 мая 1858 г. о результатах экспедиции П. П. Семенова	289
13. Копия письма Томскому гражданскому губернатору о назначении П. Кошарову 400 рублей из сумм Общества от 10 мая 1858 г.	290
14. Рескрипт Его Императорского Высочества великого князя Константина Николаевича, председателя Императорского Русского географического общества, на имя министра внутренних дел	291
15. Копия письма Ф. П. Литке к С. С. Ланскому о награждении П. П. Семенова от 21 мая 1858 г.	292
16. Письмо С. С. Ланского к великому князю Константину Николаевичу о награждении П. П. Семенова от 8 июня 1858 г.	292
17. Копия письма Совета Императорского Русского географического общества к П. П. Семенову о награждении его орденом Святого Владимира 4-й степени от 27 июня 1858 г.	293
18. Поездка из укрепления Верное через горный перевал у Суок-Тюбе и ущелье Буам к западной оконечности озера Иссык-Куль в 1856 г.	294
19. Первая поездка на Тянь-Шань или Небесный Хребет до верховья системы р[еки] Яксарта или Сырдарьи действительного члена П. П. Семенова в 1857 г.	346
20. Туркестан и Закаспийский край в 1888 г. по путевым впечатлениям вице-председателя Императорского Русского географического общества П. П. Семенова	365
Приложение II. Работы П. П. Семенова-Тян-Шанского по обобщению научного знания, связанного с изучением Азии	400
1. О вулканических явлениях во Внутренней Азии	400
2. Предисловие переводчика к 1-му тому «Землеведения Азии»	
К. Риттера «Общее введение и восточная окраина Восточной нагорной Азии»	416

3. Предисловие переводчика ко 2-му тому «Землеведения Азии» К. Риттера «География стран находящихся в непосредственных сношениях с Россией»	427
---	-----

Приложение III. На пользу науки во славу России. Из истории присвоения П. П. Семенову почетной приставки к фамилии «Тян-Шанский» — А. А. Богданов	445
Примечания	455
Именной указатель	474
Географический указатель	485

ИСТОЧНИКИ ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Вклейка 1

илл. 1–14: Научный архив РГО. Ф. 58. Оп. 1. Д. 23.;
илл. 15: Из собрания МАЭ РАН (МАЭ № 116-10);
илл. 16: Из собрания МАЭ РАН (МАЭ № 2643-2/14).

Вклейка 2

илл. 1–16: Научный архив РГО. Ф. 58. Оп. 1. Д. 23.

Вклейка 3

илл. 1, 5–6, 9–10: Из собрания МАЭ РАН (МАЭ № 116-02, 03, 04, 05, 06);
илл. 2–4, 7–8, 11: Научный архив РГО. Ф. 58. Оп. 1. Д. 23.;
илл. 12–13: Научный архив РГО. Разряд 116. Оп. 1. Д. 191.;
илл. 14–15: Научный архив РГО. Ф. 58.;
илл. 16: Вестник ИРГО. СПб. 1858. Ч. 23.

Семенов-Тянь-Шанский Петр Петрович

МЕМУАРЫ

Том II

**Путешествие в Тянь-Шань
1856–1857**

Редакторы *К. А. Залесский,*
В. Е. Климанов, Е. Р. Секачева
Корректоры *Л. А. Куртова, И. В. Лебедева*
Компьютерная верстка *Е. М. Илюшиной*

В подготовке издания принимали участие
А. И. Глухов, И. А. Гуров, М. Ф. Матвеева, О. В. Царева.

Русское географическое общество
Штаб-квартира в Москве:
Новая пл., д. 10, стр. 2, 109012, Москва, Россия
Штаб-квартира в Санкт-Петербурге:
пер. Гривцова, д. 10, литера А, 190000, Санкт-Петербург, Россия
Единый федеральный телефон/факс: 8(800) 800-18-45
Международный телефон/факс: 8(495) 225-27-60
E-mail: rgo@rgo.ru
www.rgo.ru

ООО «Кучково поле»
119071, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 10, оф. 420
Тел.: (495) 256 04 56; e-mail: info@kpole.ru
www.kpole.ru

Подписано в печать 23.07.2019.
Формат 165×235 мм. Усл. печ. л. 46,8.
Тираж 1500 экз.

ISBN 978-5-9950-0889-7 (т. 2)
ISBN 978-5-9950-0890-3 (общий)